

Пока Линь Сэнь разглядывал Ду И, тот тоже оценивающе смотрел на двоих сидевших напротив, хотя большая часть его внимания досталась Дун Чэну. На лице режиссера читалось откровенное раздражение:

— Сам не пойму, с каких пор я стал лакомым кусочком, что люди из семьи Хэ один за другим норовят со мной встретиться. Или, может, молодой господин в прошлый раз говорил, что хочет меня видеть, тоже ради нашего младшего господина?

Дун Чэн промолчал.

Ду И закинул ногу на ногу, откинулся на спинку дивана, и в его тоне прозвучало густое пренебрежение:

— Скажем так, у меня на руках и правда есть сценарий. Если он нужен младшему господину, из уважения к дяде Хэ я его отдам. Но снимать не буду, я никогда не вожусь с бездарностями.

Хайбао молча отвернул морду, чувствуя себя так, будто видит второго хозяина. Боясь, что подобные характеры столкнутся лбами и он случайно выдаст свой нрав, пес вспомнил, что рядом вообще-то сидит Линь Сэнь.

Однако Дун Чэн оказался куда хладнокровнее, чем предполагал Хайбао. Он лишь опустил голову, легко усмехнулся, а затем произнес вторую фразу с тех самых пор, как увидел сегодня вечером Ду И:

— Я пришел не ради себя.

С этими словами он чуть развернулся и, указав на Линь Сэня, представил его режиссеру:

— Это Линь Сэнь. Режиссер Ду, возможно, с ним не знаком, но если за дело возьмется он, очень скоро об этом узнает вся страна.

Ну и мастер же он льстить...

Ду И громко рассмеялся, задрав подбородок и глядя на Дун Чэна полным издевки взглядом:

— Смелости тебе не занимать, такое ляпнуть!

Дун Чэн скромно покачал головой, и его улыбка стала еще мягче:

— Режиссер Ду не первый, кто мне это говорит.

Улыбка Ду И похолодала.

Дун Чэн продолжил:

— Только вот хватит ли у режиссера Ду смелости воплотить мои слова в реальность?

— Ха-ха-ха-ха! — Ду И расхохотался вовсю, совершенно не заботясь о том, что атмосфера в ресторане была совсем не подходящей. Он взял со стола стакан с простой водой и легонько стукнул им о стоявший перед Дун Чэном стакан с молоком. — Твои слова — чистой воды провокация, но мне нравится!

Дун Чэн лишь с улыбкой смотрел на него, не совершая никаких лишних движений. Ду И, приподняв стакан, не спеша откинулся назад. Их взгляды встретились, и сквозь этот взгляд

Дун Чэна режиссер вдруг отчетливо понял: этот человек вовсе не так мягок, как кажется на первый взгляд. Сердце в груди отчаянно защемило, и Ду И, опуская стакан, произнес:

— Я дам ему шанс. Посмотрим, на что он способен.

— Без проблем, — охотно согласился Дун Чэн и, повернувшись к Линь Сэню, скомандовал: — Начинаем.

Линь Сэнь опешил. Начинаем что?

Сидевший напротив Ду И снова усмехнулся. Оглядев посетителей, которые то и дело косились на их столик, он нашел Дун Чэна донельзя забавным и произнес:

— Ты ведь не собрался разыгрывать сцену прямо здесь?

Дун Чэн не стал отвечать. Быстро бросив несколько ключевых слов, он прямо перед ними разыграл фрагмент из классической сцены предыдущего фильма Ду И — разумеется, исполняя роль второстепенного персонажа.

Линь Сэнь смотрел на него: перед ним все еще был Дун Чэн, в той же одежде, с той же прической и чертами лица, в нем ничего не изменилось. Но стоило ему заговорить текстом роли, как Дун Сэню удалось мгновенно перевоплотиться в человека из фильма. Для Линь Сэня, страстно любящего актерское ремесло, это колоссальное умение вживаться в образ обладало невероятной притягательной силой. Толком ни о чем не задумываясь, Линь Сэнь тут же подыграл ему.

Дун Чэн уже знал актерские способности Линь Сэня, поэтому был абсолютно уверен: Линь Сэнь непременно зацепит Ду И. Окончив этот отрывок, Дун Чэн не остановился: он наугад назвал еще несколько фрагментов из разных сценариев, и они вместе разыгрывали их, то беря на себя главные роли, то второстепенные, меняясь образами с легкостью сменяющих друг друга масок. Вскоре на лице Ду И не осталось и следа улыбки — сменилось всё предельно сосредоточенным вниманием.

Наконец, вдоволь наигравшись, Ду И тихо захлопал в ладоши:

— Впервые вижу человека, способного расщеплять свою личность с такой холодной рассудительностью.

Дун Чэн приподнял брови:

— Это ты нас сейчас хвалишь?

Ду И поднял стакан с водой, салютуя ему:

— Разумеется, хвалю.

На этот раз Дун Чэн благоразумно приподнял свой стакан с молоком и, ни капли не смущаясь, отпил больше половины. На пушистых от рождения усиках осталась белая молочная капелька. Эту слабость Дун Чэн не скрывал ни в каком из миров: он страсть как любил сладкое, и Хайбао понятия не имел почему.

Сидевший рядом Линь Сэнь, глядя на него, живо представил себе пушистого лисёнка, припавшего мордочкой к чашке с молоком. Улыбка на его губах никак не хотела гаснуть; он

протянул спутнику салфетку и, указав на собственные губы, знаком показал вытереться.

Дун Чэн взял салфетку и повернулся к нему с улыбкой. В ней не было чрезмерной близости, но каждый раз, когда Линь Сэнь видел пару превратившихся в лучистые полумесяцы глаз, в которых отражался только он один, на душе у него неизменно становилось теплее, и он невольно протягивал руку, чтобы погладить чужие кончики волос.

Раньше подобные жесты со стороны Линь Сэня слегка смущали Дун Чэна, но, хорошенько подумав, он вспомнил, что ему самому сейчас едва за двадцать — разве в глазах Линь Сэня он не просто взрослеющий парень? К тому же по сюжету Линь Сэнь вовсе не был геем, так что Дун Чэн позволил ему делать всё, как хочется.

Пока эта парочка воковала друг с другом, не замечая никого вокруг, Ду И чувствовал, что рискует ослепнуть. Эти двое голубков вели себя совершенно бессовестно. Он торопливо вытащил телефон и протянул его Линь Сэню:

— Назови номер. Главную роль в моем фильме в этом году играешь ты. В тот самый момент, когда Ду И умолк, над головой Хайбао вновь всплыли субтитры, но на этот раз они извещали не о золотом выполнении задания, а о провале миссии встречного трансигратора.

Ду И, который по задумке должен был ненамеренно свести Чу Цзинъи с Линь Сэнем, был опережен Дун Чэном, и первый квест Чу Цзинъи с треском провалился.

Хайбао радостно закружился на месте, а Дун Чэн опустил взгляд и вытер рот; пряди волос на лбу удачно скрывали его глаза, пряча торжество в глубокой тени.

На обратном пути Дун Чэн между делом брякнул какую-то отговорку о том, почему так тщательно скрывал свои истинные актерские способности. Линь Сэнь смотрел на него: если бы это произошло до того, как он увидел страницу Дун Чэна в микроблоге, и он вдруг узнал бы, что вся та паршивая игра — сплошной обман, он бы, даже не чувствуя себя одураченным, не смог бы принять это так быстро.

Но теперь всё было совершенно иначе.

Если Дун Чэн уже давным-давно был его фанатом, если он намеренно сблизился с ним, если лгал о неумении играть, если сам напросился в подопечные и даже помогал ему доставать ресурсы...

Если связать эту череду улик воедино да прибавить к ним предупреждение Чу Цзинъи о том, что ориентация Дун Чэна — мужчины,

сердце Линь Сэня окончательно сбилось с ритма.

Вернувшись домой, он проворочался без сна почти всю ночь и в конце концов всё же позвонил Чу Цзинъи. Чу Цзинъи, судя по всему, уже спал, когда его разбудил этот звонок. Отвечая, он говорил крайне раздражённым тоном, но, поняв, что это Линь Сэнь, мало-помалу смягчился и

спросил:

— Деревянный, чего это ты среди ночи не спишь?

Линь Сэнь взвешивал в уме всё, что было связано с ними и Дун Чэном, и в конце концов решил утаить истинный пол Дун Чэна. Он сказал Чу Цзинъи:

— На съёмочной площадке одна женщина... — и пересказал всё, что Дун Чэн делал по отношению к нему.

Поскольку он изменил пол, Чу Цзинъи поначалу даже не подумал, что речь идёт о Дун Чэне. Хотя, судя по известному ему сюжету, у Линь Сэня от начала и до конца не было никакой второй половины, другой трансмигрант уже так перекроил всю историю, что не стоило удивляться не только появлению какого-то женского персонажа, проявляющего к Линь Сэню двусмысленный интерес, но даже если бы Линь Сэнь вдруг решил заняться однополый любовью.

Лениво перевернувшись на другой бок, он опираясь на собственный опыт странствий по многочисленным мирам, дал Линь Сэню совет:

— Если она тебе тоже нравится, то гадать на кофейной гуще — только хуже делать. А вдруг она и вправду просто к тебе хорошо относится? Послушай меня, сделай первый шаг. Если тебе неловко самому, попроси кого-нибудь разузнать, что она вообще имеет в виду. Если она действительно не против, сойдётся. А если нет — ну так добивайся её.

Линь Сэнь замялся:

— Но... у меня к нему вообще никаких мыслей нет... — Да брось ты заливать! Если она тебе безразлична, стал бы ты так переживать из-за её отношения к тебе? Мало тебе кто добро делает? Любой фанат может относиться к тебе точно так же!

— Он немного другой.

Слушая это на другом конце провода, Чу Цзинъи рассмеялся:

— Вот видишь, ты сам сказал, что она другая. Просто признай, что ты попал.

Линь Сэнь: «.....»

Не дождавшись ответа, Чу Цзинъи решил, что тот просто смущается, и тактично сменил тему:

— Ладно, заводить вторую половинку — это одно, но вот с этим Дун Чэном тебе действительно нужно быть осторожнее. Его намерения по отношению к тебе явно нечисты. А Вэй мне всё рассказал: он вовсе никакой не младший господин из Семьи Хэ. У человека столь глубокие тайные замыслы — кто знает, зачем он к тебе привязывается?

Однако Чу Цзинъи даже в мыслях не допускал, что от начала и до конца Линь Сэнь говорил с ним именно о Дун Чэне. Эти слова как раз и заставили Линь Сэня задуматься, и он задал Чу Цзинъи встречный вопрос:

— Сам-то что скажешь: зачем он постоянно ко мне навязывается?

Раньше это ещё можно было объяснить — возможно, его привлекали связи Линь Сэня. Но нынешний Дун Чэн при деньгах и при власти, да к тому же всё это время помогал ему — чего

же он добивается?

Чу Цзинъи тоже растерялся от такого вопроса. Ему ужасно хотелось выпалить: «Да ради задания! Чтобы поднять шкалу благосклонности к тебе, а в будущем слить в сеть наши снимки из постели!», но разве Линь Сэнь поверил бы в такое?

Пришлось выразиться более мягко:

— Мне кажется, он хочет за тобой ухаживать.

Сюжетные настройки не раскрывали, является ли Линь Сэнь геем или гетеросексуалом, но главный герой в подобной романе про прокачку в любом случае должен иметь традиционную ориентацию. Даже если Линь Сэнь и не испытывает отвращения к гомосексуализму, узнав, что какой-то друг-мужчина в него влюблен, он бы в любом случае постарался избегать двусмысленных ситуаций и держался на расстоянии.

Линь Сэнь снова замолчал.

Поняв, что на этот раз Линь Сэнь прислушался к его словам, Чу Цзинъи решил ковать железо пока горячо и принялся разбирать поступки Дун Чэня, доказывая Линь Сэню, что тот явно равнодушен к нему. Прошло полчаса: Линь Сэнь вставил всего пару реплик, зато Чу Цзинъи чуть сам себя не убедил. Помотав головой, он подвел итог:

— Я знаю, что ты и вправду считаешь его другом. Но раз вы друзья, ты должен думать и о нём тоже. Раз уж ты знаешь, что он к тебе равнодушен, а ответить взаимностью не можешь, лучше прямо сейчас дать ему понять, что надежды нет. Потом он еще спасибо тебе скажет.

Линь Сэнь слушал с непроницаемым взглядом, а Чу Цзинъи продолжал болтать всякую чепуху о событиях, которые происходили по сюжету, но в реальности еще не случались. К моменту, когда они закончили разговор, батарея на телефоне Линь Сэня почти полностью разрядилась. Линь Сэнь в одиночестве сидел на краешке кровати и какое-то время отрешенно смотрел в окно. Снова взяв в руки телефон, он зарегистрировал второй аккаунт в Вейбо, нашел тот самый аккаунт Дун Чэна, который видел в тот день, и тихонько нажал кнопку подписки.

Из-за предстоящего юбилея старейшины Хэ режиссер объединил все сцены с Дун Чэном в один блок. Поработав сверхурочно и проведя в хлопотах еще целый месяц, Дун Чэн завершил съемки раньше срока.

Вернувшись в старинный особняк семьи Хэ, первым делом он, разумеется, отправился навестить старейшину Хэ. Дворецкий провел его в кабинет старика, где, как назло, находился и Хэ Тинвэй. Дед и внук играли в шахматы. Заметив вошедшего Дун Чэна, старейшина Хэ ласково поманил его рукой:

— Чэн-чэн вернулся, иди скорее сюда, присаживайся.

Дун Чэн уже пару раз играл со стариком прежде, поэтому, подойдя, старейшина Хэ тут же уступил ему свое место, предложив доиграть партию с Хэ Тинвэем. Особых церемоний разводить он не стал: взглянув на доску, Дун Чэн взял камень и сделал ход.

Старик некоторое время понаблюдал со стороны, как вдруг дворецкий тихо постучал в дверь и

доложил, что в компании возникли срочные дела, требующие его решения. Старейшина кивнул, велел парням хорошенько развлечься, а сам вышел вслед за дворецким.

Едва дверь кабинета закрылась, Хэ Тинвэй тут же отбросил зажатый в пальцах камень в сторону:

— Больше не буду играть, неинтересно.

Дун Чэн сохранял невозмутимое спокойствие; зажав между пальцами шахматный камень, он опустил его на доску:

— Тебе неинтересно лишь потому, что ты вот-вот проиграешь.

Он вовсе не блефовал: судя по текущему расположению сил на доске, Хэ Тинвэй действительно приближался к поражению.

Опустив взгляд на доску, Хэ Тинвэй покраснел от злости. Если бы не память о том, что они находятся в кабинете старейшины Хэ, он бы уже давно перевернул доску. Вытащив телефон, он быстро застучал по экрану и сунул устройство обратно в карман. Лишь после этого выражение его лица немного улучшилось. Повернувшись к Дун Чэну, он процедил:

— Подумаешь, проиграл партию, эка невидаль! Я отродясь не был силен в шахматах. Если у тебя есть хоть капля смелости, давай состязаемся в чем-нибудь другом?

Дун Чэн молча собирал шахматы обратно в коробочку, даже не удостоиваясь взглянуть на Хэ Тинвэя. Его тон звучал безмятежно, однако слова явно не снискали бы всеобщей любви:

— За исключением лица, ты ни в чем не превосходишь меня.

Иными словами, ты, Хэ Тинвэй, — всего лишь красивая пустышка. Скажи такое Цзян Чао или любой другой человек, превосходящий Хэ Тинвэя в карьере, это еще куда ни шло. Но только не Дун Чэн. Кто такой вообще этот Дун Чэн? Внебрачный сын, который пробился наверх лишь благодаря тому, что ухватился за коленки деда семьи Хэ.

Хэ Тинвэй резко вскочил на ноги и взревел:

— Дун Чэн, ты заходишь слишком далеко!

Дун Чэн поднял взгляд и бегло окинул доведенного до белого каления Хэ Тинвэя, не став ничего отвечать. Неторопливо доложив последний камень в шкатулку и вернув ее на прежнее место, он с невозмутимым видом поднялся и вышел из комнаты.

Тяньцзинь

Поздним вечером Хайбао копалось в Вейбо с телефона Дун Чэна, как вдруг получило личное

сообщение от пользователя по имени Городской Лесной. Собеседник добавил милые смайлики и поинтересовался:

— Великий мастер, вы ли это, Лесной? Я уже целую вечность сижу в засаде, умоляю, обратите на меня внимание! (^o^)/~

Лесной — так называли себя поклонники Линь Сэня. С первого же взгляда Хайбао поняло, что перед ним фанат Линь Сэня. Прежде, чтобы помогать Дун Чэну добывать нужные сведения, оно притворялось преданным поклонником актёра: рисовало арты, писало фанфики и всего за несколько месяцев доросло до мини-лидера фандомов. Сейчас резко открещиваться от фанатов казалось слишком подозрительным, а Хайбао было искусственным интеллектом, стремящимся к совершенству. Поэтому, сталкиваясь с проявлениями внимания со стороны других почитателей, оно никогда никому не отказывало и тут же ответило собеседнику:

— (三三三) 当然, с удовольствием!

Городской Лесной:

— (^o^)/~ А как давно вы любите Линь Сэня? Я заметил, что вы начали выкладывать работы с ним только в июне этого года.

Хайбао воспользовалось той же легендой, с которой в свое время вступало в фан-клуб, и безмятежно отстучало строчку текста:

— В июне этого года во время поездки в город К я увидел его вживую. /(tot)/~~ Это была роковая встреча, изменившая всю жизнь! Позже, узнавая его все лучше и лучше, я понял, до чего же мой Сэнь прекрасен, и теперь уже никому в жизни не смогу отдать свое сердце.

Городской Лесной:

— o(n_n)o Великий мастер, как же преувеличенно вы говорите! Я вот подсел на него совсем недавно, а Линь Сэнь и впрямь невероятно хорош собой!

Помахивая хвостом и одновременно набрасывая по заказу одного из фанатов пикантный арт в жанре император и подданный по новой дораме с участием Линь Сэня и Дун Чэна, Хайбао ответило Городскому Лесному:

— Никаких преувеличений! Теперь я даже парня выбираю исключительно по стандартам моего Сэня. [7(┘_┘)] Суждено остаться одиноким.]

Стоило этому сообщению улететь адресату, как вплоть до окончания работы над рисунком ответа не поступало. Решив, что собеседник просто испугался его слов, Хайбао не стало забивать себе голову лишними мыслями. Оно отметило того фаната, что просил о рисунке, выложило свежий арт и добавило подпись: Истинный путь правителя и слуги!

Как только ИИ со всем разобрался, Дун Чэн вышел из ванной после душа. Увидев, как таится на постели глупо улыбающееся Хайбао — он прекрасно знал, что порой ИИ балуется

созданием додзинси и артов с Линь Сэнем, — мужчина подошел ближе. Едва взглянув на только что опубликованную картинку, он слегка приподнял брови, и уголки его губ тронула легкая улыбка:

— Опять занимаешься не тем, чем следует.

Хайбао тут же поспешило выложить перед Дун Чэном всю свежую информацию, добытую в ходе недавнего расследования насчет Чу Цзинъи, демонстрируя, что оно вовсе не погрязло в праздности!

Ознакомившись с собранными данными, Дун Чэн окончательно убедился в своих догадках: Чу Цзинъи использовал известные ему сюжетные ходы против Хэ Тинвэя. И внезапное решение Хэ Тинвэя вернуться в семейный особняк, чтобы угодить старику, и его прежний визит к Ду И — все это определенно происходило с подачи Чу Цзинъи.

— Тц... Неужели они способны лишь на это?

Услышав его слова, Хайбао подняло на него взгляд. Оно вовсе не разделяло сегодняшнего порыва Дун Чэна, намеренно разозлившего Хэ Тинвэя. У Дун Чэна оставалось еще четыре задания: «прожить с Линь Сэнем под одной крышей в течение года», «слить в сеть постельные фотографии Линь Сэня», «добиться опалы Линь Сэня» и «быть поверженным Линь Сэнем». Если не считать последнего пунктирчика, любое из них грозило превратиться в невыполнимую задачу при активном противодействии со стороны Хэ Тинвэя.

Испытывая некоторое беспокойство, оно поделилось своими опасениями с Дун Чэном.

В оригинальном сюжете Хэ Тинвэй глубоко презирал внебрачного брата, умеющего лишь цепляться за дедушкины колени, и главным объектом его атак неизменно оставался Хэ Тинлун. Теперь же, подстрекаемый находящимся рядом Чу Цзинъи, Хэ Тинвэй оставил в покое Хэ Тинлуна и развернул орудия прямоком на Дун Чэна. Ничего хорошего в этом не было.

Старейшина Хэ лишь на словах выказывал любовь к Дун Чэну, на деле же его сердце куда больше лежало к выращенным с пеленок внукам — Хэ Тинвэю и Хэ Тинлуну. Прояви Дун Чэн излишнюю жесткость, старик без колебаний встанет на защиту Хэ Тинвэя, оставив его самого на произвол судьбы.

К тому моменту, как ИИ закончило говорить, Дун Чэн уже лежал на кровати, подперев голову рукой и поминутно зевая:

— Ты рассуждаешь здраво: если Хэ Тинвэй и впрямь пойдет со мной напролом, я неизбежно проиграю. Но сейчас ситуация такова, что даже если я не буду задевать Хэ Тинвэя, он не перестанет строить мне козни. Так почему бы мне не взять инициативу в свои руки и не извлечь из этого хоть какую-то пользу?

С этими словами он похлопал Хайбао по макушке:

— Спи давай. Мне не нужно, чтобы ты ломало голову над планами, просто сиди и наблюдай.

Хайбао не слишком жаловало эту привычку Дун Чэна — недоговаривать до конца, но ему оставалось лишь тихонько пискнуть в ответ. Продвинувшись поближе к мужчине, оно устроилось рядом. Дун Чэн качнул одеяло, укрывая его, и ИИ, прижавшись к его боку, послушно закрыло глаза.

Целый месяц Дун Чэн провел в родовом гнезде семьи Хэ. За это время между ним и Хэ Тинвэем вспыхнуло бесчисленное множество конфликтов самого разного масштаба. Дун Чэн каждый раз старался уступить, но Хэ Тинвэй был совершенно неуправляем. Его мысли крутились вокруг одной-единственной точки: он терпеть не мог Дун Чэна, и присутствие последнего в доме казалось ему невыносимым. Старик и уговаривал, и отчитывал внука, но Хэ Тинвэй ничуть не изменил своего поведения. В присутствии старейшины он доходил до оскорблений, называя того бесстыдной шавкой. Старик так разъярился, что юбилейный банкет едва не сорвался.

Окружающие не могли усмирить второго молодого господина Хэ, а старик не мог с ним договориться, поэтому им пришлось заняться «промыыванием мозгов» Дун Чэну. Тот же всегда отличался уступчивым характером, а потому, едва отгремел юбилей, собрал вещи и покинул особняк.

Шум вокруг семейства Хэ поднялся нешуточный, а оба главных участника конфликта приходились Линь Сэню добрыми друзьями, так что оставаться в неведении он никак не мог. Знакомые, близко общавшиеся с ним, даже подшучивали над актером:

— Старшая жена поссорилась с младшей наложницей, на чьей ты стороне?

Выслушав это, Линь Сэнь лишь беспомощно улыбнулся. Он ведь не то чтобы совсем не пытался их помирить. Относительно Хэ Тинвэя и говорить нечего: стоило набрать его номер, как поначалу разговор шел мирно, но стоило услышать имя Дун Чэна, как тот взрывался мгновенно. Что же до Дун Чэна... Пусть внешне он казался мягким, словно комок теста, в упрямстве он превосходил Хэ Тинвэя в десяток раз. Его было не только невозможно вразумить — стоило потерять бдительность, как он тут же искусно переводил стрелки.

Результатом его благих намерений стало то, что и Хэ Тинвэй, и Дун Чэн в итоге перебрались жить к нему.

В тот момент ситуация выглядела следующим образом.

Линь Сэнь говорил:

— Хэ Тинвэй с детства избалован в семье, у него отвратительно вспыльчивый характер. Он порой ляпает лишнего, но ты не принимай это близко к сердцу.

Дун Чэн, утративший свою обычную покладистость, тихонько хмыкнул:

— Я вырос без отца и матери, так что у меня на роду написано иметь мягкий характер и позволять вытирать о себя ноги.

Линь Сэнь вздохнул:

— Ты же прекрасно понимаешь, что я вовсе не это имел в виду.

— Да, понимаю, — донесся голос Дун Чэна из трубки. Возможно, он находился чуть дальше от телефона, оттого голос звучал несколько приглушенно. — Но ты должен понимать и другое: наш с Хэ Тинвэем конфликт кроется вовсе не в несовместимости характеров. Захоти я — у меня найдется тысяча способов заставить его полюбить меня.

Линь Сэнь: «.....»

Его слова прозвучали настолько прямо, начисто перекрыв Линь Сэню все заготовленные заранее пути к отступлению.

Оба молчали какое-то время, и когда Линь Сэнь уже подумывал, не сбросить ли вызов, с той стороны раздался тихий смешок Дун Чэна. Нахмурившись, Линь Сэнь поинтересовался:

— Чему ты смеешься?

— Я смеюсь над тем, до чего же бессовестно ты поступаешь, — отозвался Дун Чэн. — Разоряются-то нападки на меня, из дома выгоняют тоже меня. Ты же, едва открыв рот, принимаешься защищать Хэ Тинвэя да еще и ждешь, что уступлю я. Не кажется ли тебе, что это уже чересчур?

— А что, по-твоему, я должен был сказать?

Смех на том конце провода стал еще звонче, а тон приобрел пугающе близкие нотки:

— На твоём месте, если бы друзей вышвыривали из родительского дома, первой фразой должно было стать: «Есть ли у тебя сейчас крыша над головой? Если нет, не хочешь ли временно переехать ко мне?» или что-то в этом роде.

<http://bllate.org/book/22131/2305786>